

КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

КАЛЕНДАРЬ НА 1992 г.

- Апрель* (6—12) — Международный симпозиум «Системы родства народов Азии» (Москва).
117334 г. Москва, Ленинский пр. 32а, Ин-т этнологии и антропологии РАН, зав. отделом Зарубежной Азии и Оксании д. и. н. М. В. Крюков; тел. 938—59—38
- Май* — Сессия полевых этнографических и антропологических исследований (Москва).
117334 г. Москва, Ленинский пр. 32а, Ин-т этнологии и антропологии РАН, уч. секретарь к. и. н. М. Ю. Мартынова; тел. 938—62—30
- Май* — Всероссийская конференция «Традиционное и новое в культуре народов России» (Саранск).
430000 г. Саранск, ул. Большевикская, 68, МГУ им. Н. П. Огарева, сектор межнациональных отношений, Ин-т регионологии; тел. 426—94; 997—19
- Август* — VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор).
103009 г. Москва, ул. Семашко, 1/12, Всесоюзная ассоциация монголоведов, к. эк. н. С. К. Рошин; тел. 290—35—85
- Сентябрь* — Международная конференция молодых ученых «История и культура народов мира» (Омск).
644077 г. Омск, пр. Мира 55а, Омский гос. ун-т, проректор по научной работе проф. Н. А. Томилов; тел. 64—25—87
- Сентябрь* (7—10) — VIII Конгресс европейской антропологической ассоциации (Мадрид). Информация по адресу: María Dolores Garralda, Sección de Antropología, Facultad de Biología, Universidad Complutense de Madrid, Ciudad Universitaria, 28040 Madrid, Spain.
- Ноябрь* — III Всесоюзная научная конференция «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий» (Омск).
644077 г. Омск, пр. Мира 55а, Омский гос. ун-т, проректор по научной работе проф. Н. А. Томилов; тел. 64—25—87

© 1992 г., ЭО, № 1

«ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ — ВЫДАЮЩИЙСЯ КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ГУМАНИСТ»

18—23 марта 1991 г. в Симферополе под эгидой ЮНЕСКО состоялась Международная конференция, организаторами которой были Академия наук Украинской ССР, Симферопольский государственный университет, исполком Крымского областного Совета народных депутатов (Крымской АССР), Координационный центр по возрождению крымскотатарской культуры.

140-летие со дня рождения писателя, ученого, просветителя, реформатора татарской школы, основателя и редактора первой независимой татарской газеты «Тэрджиман» («Переводчик»), лидера мусульманского прогрессивного джадидизма Исмаила Бей Гаспринского (1851—1914) — дата не совсем «круглая», но чрезвычайно существенная для духовного возрождения современной крымскотатарской культуры, которая обретает прочную базу в научных центрах воссозданной Крымской АССР и настойчиво ищет точку опоры в наследии, в исторической памяти народа, в страницах прошлого, в именах, некогда славных, широко известных в России и в международном мусульманском сообществе, однако забытых за долгие годы преступного игнорирования культурных ценностей крымских татар.

В работе конференции приняли участие известные ученые-тюркологи и общественные деятели США, Турции, Сирии, Польши, Литвы, Румынии, СССР (в советской делегации — представители научных центров и национальных движений России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Туркмени, Татарстана, Башкирии, Дагестана).

Проблематика конференции имела два основных аспекта — исторический и современный. С первым был связан широкий комплекс исследований научно-теоретического и литературно-публицистического наследия Гаспринского, его жизненного пути, педагогической, издательской деятельности, его связей с просветительской мыслью конца XIX — начала XX в., современными ему национально-освободительными, религиозными движениями и теориями культурного возрождения народов мусульманского Востока. Специфика нынешней научной ситуации, характеризующейся обширными лакунами в системе информационного обеспечения, придавала большинству докладов и сообщений исторического характера значение впервые публикуемых открытий.

Второй круг проблем касался современного состояния крымскотатарской культуры и государственности, задач ОКНД (Организации крымскотатарского национального движения), политических и

этносоциологических аспектов восстановления Крымской АССР. Эта сторона конференции выявилась в гражданской направленности многих включенных в ее программу и импровизированных выступлений на пленарных и секционных заседаниях, а также в насыщенной культурной программе со множеством сопутствующих мероприятий, носивших отнюдь не развлекательный, а целенаправленный характер. И концерт в Украинском музыкальном театре, демонстрирующий все богатства музыкального и песенного фольклора, сохраненные в живой крымскотатарской культуре, все реальные возможности современного национального сценического искусства (первый такой концерт в Симферополе, со сценических площадок которого полвека не звучала крымскотатарская речь), и открытие двух художественных выставок — в Выставочном зале Союза художников и в Симферопольском художественном музее, представляющих социально ангажированную живопись и графику возвращающихся в Крым татарских художников (М. Чурлу, Р. Нетовкин, А. Усейнов, З. Трасинова, Н. Якубов и др.), и закладка памятника И. Гаспринскому в центре города, и экскурсии в Бахчисарай, Карасубазар, Старый Крым (Солхат), Гаспру — (не просто экскурсии, а политические акции с участием духовенства, сопровождающиеся встречами местного населения с участниками конференции, массовыми митингами, торжественными богослужениями (намаз в Бахчисарайском дворцовом саду, вместившем несколько тысяч верующих), — все это было продолжением той работы по возрождению крымскотатарской культуры на ее исторической родине, которая составляла важнейшую практическую сторону Международной научной конференции, ее цель и сверхзадачу.

Этой двусторонней направленностью конференции определялось своеобразие состава докладчиков и участников, включавшего не только широкий круг ученых разных специальностей (историков, политологов, этнографов, филологов, лингвистов, искусствоведов, философов), но также общественных, политических, религиозных деятелей, депутатский корпус Крымской АССР, лидеров ОКНД, а среди зарубежных гостей — представителей эмигрантских крымскотатарских культурных центров, мусульманских организаций, коммерческих центров — спонсоров крымскотатарского движения. Гостями конференции были и приехавшие из Турции, Узбекистана и Ленинграда внуки и правнуки Исмаил Бей, представители рода Гаспринских — бывшего крупного аристократического клана в Крыму. С воспоминаниями и публикацией документов семейного архива в докладе «Мой дед — Исмаил Гаспринский» выступила писательница И д ж и т Х а н у м (Стамбул).

Особенностью конференции была реализация в ходе ее работы тюркских языков. Значительная часть пленарных и секционных докладов была зачитана на турецком, а также на различных тюркских языках народов СССР; сделанные на русском языке сообщения и доклады переводились на крымскотатарский, что делало их доступными для турецкой делегации (состоящей из 22 человек, включая представителей прессы и телевидения Турции).

К недостаткам практической организации конференции надо отнести отсутствие печатной информации: не только тезисы докладов, но даже программа конференции не были опубликованы, многое из предварительных наметок, вплоть до выдвижения докладов на пленарные заседания, менялось на ходу в зависимости не только от прибытия или задержки зарубежных гостей (из-за отказа в визах в последний момент не смогли прибыть в Симферополь профессор Нью-Орлеанского университета США Э. Л а з з е р и н и профессор Южно-Калифорнийского университета А. Р о р л и х, чьи доклады были предусмотрены программой первого пленарного заседания), но и от требований аудитории (актива ОКНД) предоставить слово лицам, имеющим заслуги перед крымскотатарским национальным движением.

Открывая конференцию, председатель оргкомитета, заместитель председателя Крымского облисполкома Т. А. К р а с и к о в а отметила, что после полувекового забвения имя великого сына крымскотатарского народа Исмаила Гаспринского возвращается на родную землю. Многие поколения крымчан не знали этого имени, которое должно быть поставлено в один ряд с Л. Н. Толстым и И. С. Тургеневым. Настала пора восстановить историческую справедливость.

Доклад академика АПН Кыргызстана А. Измайлова (Бишкек) «Исмаил Гаспринский — выдающийся просветитель народов Востока» отражал итоги многолетних исследований истории жизни, всех обстоятельств формирования личности, взглядов, основных направлений деятельности Исмаила Гаспринского, истории его семьи. Более 5 тыс. источников, изученных в процессе работы над первой в СССР монографией о Гаспринском, подготовленной для издательства «Узбекистон», позволили А. Измайлову пролить свет на забытые и неизвестные страницы жизни крымскотатарского просветителя.

Обозначенный в названии доклада А. Измайлова подход к просветительской деятельности И. Гаспринского как к явлению, ставшему достоянием всех тюркоязычных народов мусульманского Востока, нашел продолжение в ряде других докладов и выступлений на пленарных заседаниях, совокупность которых определила главное направление того научного «прорыва», начало которому положила конференция, а именно пересмотр с современных позиций и реабилитация в общественном мнении концепции пантюркизма. Правда, в понимании пантюркистской идеи, развитой в сочинениях И. Гаспринского и получившей весьма различную интерпретацию в трудах его прямых и косвенных последователей — теоретиков национальных движений тюркского мира, остались некоторые существенные расхождения между советскими и зарубежными (турецкими, польскими) участниками конференции. В основном они касались политической ориентации народов тюркского Востока на союз (или на разрыв) с Россией, анализа этой ориентации в плане оптимальных национальных интересов этих народов, их исторического прогресса. Что же касается самой идеи культурной, языковой, этнополитической общности тюркских народов широкого исламского ареала — той идеи, которая в позднейшей марксистской историографической традиции получила однозначную окраску, вызванную идеологической нетерпимостью к «пантюркизму» и «панисламу», то ныне она отнюдь не вызвала

априорного неприятия. Стала очевидной необходимость всестороннего этнологического, культурологического, лингвистического анализа этой проблемы.

«Позади остались схемы, по которым мы освещали историю тюркоязычных народов страны, — сказал в своем выступлении К. Ханазаров (Ташкент). — Вместе с ними ушли в прошлое одностороннее понимание джадидизма, предвзятая оценка роли общности исторических судеб народов тюркского и исламского мира». Сама идея этой общности вызвала яростное неприятие у толкователей «национальной политики» и «принципов пролетарского интернационализма», склонных к догматике и вульгаризаторским упрощениям, недооценивавшим специфику тюркского мира и в социальном, и в этнопсихологическом плане. Возвращению научного внимания к этой специфике помогли освобожденные от позднейших фальсификаций идеи Исмаила Гаспринского, с наследия которого в нашей стране наконец снимается табу запретности, закрытости, груз идеологических обвинений. К. Ханазаров подробно рассказал о том, что делается в Узбекистане для всесторонней научной реабилитации трудов И. Гаспринского, сославшись на новые публикации в журналах «Общественные науки Узбекистана», «Йылдыз», «Узбек тили ва адабиёти», «Саодат» и др. «Среднеазиатские» направления комплексного современного изучения наследия И. Гаспринского, выявленные в докладах А. Измайлова и К. Ханазарова, нашли дополнения в докладе А. Мирахмедова (Баку) «Исмаил Гаспринский и азербайджанская литературно-культурная среда».

С. М. Червоная (Москва) в докладе «Проблемы тюркской культурной общности в сочинениях И. Гаспринского и задачи современного крымскотатарского национального движения» обратила внимание на то, что важнейшим заветом Гаспринского как историка и теоретика национальных отношений является «антиизоляционизм», поиск межнационального консенсуса, в частности «русско-татарского согласия». Его представления о социально-политической, культурной, нравственно-религиозной, психологической и бытовой общности большой группы тюркских народов евроазиатского ареала (по его терминологии, «тюрко-татарского племени») базировались на двух важнейших параметрах: верность этих народов исламу и их принадлежность к истории государства Российского. Тщательно исследуя и тонко улавливая все процессы национальной дифференциации, свойственные эпохе бурного развития капитализма в России и непосредственно затрагивавшие весь ее тюркский мир, Гаспринский в то же время акцентировал прочность внутренних связей, сходство основных типов культуры, дух солидарности между всеми мусульманами — тюрками России. В единении народов, близких по языку и религии, он видел силу, способную противостоять национальному гнету. При этом перспективы экономического и культурного подъема, расцвета культурной «индивидуальности» татар и других тюркских народов Гаспринский, как показывает проведенный докладчиком анализ его сочинений («Русское мусульманство» — 1881, «Русско-восточное соглашение» — 1896 и статей в «Тарджимане» за 1883—1914 гг.), отнюдь не связывал с территориальным отделением их земель от России. Пантюркистская идея у него вообще не связана с жесткой концепцией «национальной государственности». Культурную миссию народов гигантского тюркоязычного мира он понимал независимо от их претензий на свои великие или малые державы, не придавал значения границам между странами.

Ахмет Биджан Эрджиласун (Анкара) в докладе «Взгляды Исмаила Гаспринского на тюркскую этническую общность» выдвинул комплексную лингвистическую и культурологическую аргументацию в защиту общетюркского языка, имеющего две основные ветви (западная — кипчакская и восточная — огузская) и множество диалектов, признанных ныне национальными языками народов СССР. Эти языки, по мысли турецкого исследователя, опирающегося на языковую концепцию Гаспринского, обнаруживают тенденцию к интеграции. Возрождение — на основе общей графики и норм латинского алфавита — общетюркского грамматического фонда, письменности и лексикона способствовало бы активному сближению культур народов на огромном пространстве от Центральной Азии до Черного моря, а также очищению и обогащению двух основных литературных языков тюркской основы, функционирующих в западном (причерноморском) и в среднеазиатском регионах. А. Эрджиласун подчеркнул, что распространенный с конца XV в. в Крыму турецкий язык был основой местной высокоразвитой литературы и нынешнее возрождение крымскотатарской словесности на исторической родине возвращающегося из изгнания народа следует связать с широким распространением турецкого языка в Крыму (книг для библиотечных собраний, современной периодики, школьных уроков в университетских курсах).

Специфика проведения конференции, заметим, была такова, что никакой дискуссии выступлений турецких ученых не вызывали; было ли это проявлением вежливости к гостям или свидетельством научного согласия с ними, в частности присутствовавших на конференции советских лингвистов, вероятно, выяснится по мере уточнения позиций отечественной тюркологии в ближайшие годы.

Идею глубокого единства крымскотатарской и турецкой культуры развил в своем выступлении председатель Общества крымских татар Турции Ахмет Кырымлы (Анкара). По его данным, около 5 млн. крымских татар, проживающих ныне в Турции, потомков тех, кто вынужден был уйти «на белые земли Анатолии» на протяжении 134 лет господства русского самодержавия в Крыму, и тех, кто увеличил этот трагический национальный «исход» в XX в., представляют сохранившийся в своей целостности этнос — носитель турецкого языка, преимущественно высокой образованности, разносторонней профессиональной ориентации и культуры. Реальная историческая перспектива воссоединения этого этноса с репрессированным народом СССР по мере ликвидации последствий насильственной депортации, возвращения всех крымских татар на родину и возрождения национальной государственности будет означать коренные изменения местной языковой ситуации, общекультурной и политической ориентации. Крым снова окажется в теснейшем этнокультурном тандеме с Турцией, что, по убеждению А. Кырымлы, будет способствовать расцвету его экономики, все-

роннему развитию социальной инфраструктуры при активном привлечении турецкого капитала, оживлению ислама, реставрации заброшенных и полуразрушенных ныне памятников этого величайшего очага и форпоста мусульманской культуры на европейском западе.

Мустафа Кефали (Анкара) связал перспективу сближения возрождающегося Крыма и Турции с пакетом договоров и соглашений о культурном и экономическом сотрудничестве, заключенных в последнее время между СССР и Турцией. Эти связи оживились в связи с визитом президента Турецкой Республики в Москву весной 1991 г., с расширением потоков общения, размывающих прежние задрнутые «железным занавесом» границы. Неизменность географической ситуации («соседние народы всегда останутся соседями») обретает, по его мнению, новый смысл в свете современного политического мышления.

Драматизм прошлой исторической ситуации, предопределившей нынешнее далеко не благополучное положение крымскотатарской культуры, попытки с величайшим трудом связать разорванные нити, восстановить разрушенное и не забыть погубленное показал Абдураим Темираяк (Нью-Йорк) — создатель крымскотатарского этноисторического музея в США. Банк данных, собранных в этом музее, содержит обвинительные материалы, характеризующие преступную политику геноцида против крымскотатарского народа в годы самодержавия и сталинского террора, итогом которой явилось превращение трехмиллионного (к моменту присоединения Крыма к России) этноса крымских татар в нынешние 300 тыс., еще рассеянные по разным республикам. Ключевым А. Темираяк назвал вопрос о передаче земли в пользование возвращающимся на Крымский полуостров изгнанникам.

Ильяс Чекай (Стамбул), возглавляющий стамбульское Общество культуры и взаимопомощи крымских татар, призвал, следуя гуманным заветам И. Гаспринского, не возлагать вину за совершенные против татарского народа преступления на русский народ, духовные ценности которого никогда не были чужды или враждебны народам тюркского мира. Русская культура («от музыки Чайковского до дипломатии Чичерина»), подчеркнул И. Чекай, обладает высокими гуманистическими традициями, и понимание их значения глубоко вошло в турецкое общественное сознание. Вопрос о политической ответственности за вандализм, за продолжающееся и ныне разрушение древних памятников крымскотатарской культуры не может иметь этнической окраски: виноваты не другие народы, а политика культурного нигилизма, одинаково враждебная всем народам. Ее плодами является то, что Бахчисарайский средневековый университет — старейшее в этом регионе Европы медресе (памятник архитектуры XVI в.) — стоит в чудовищном запустении на территории областной психиатрической больницы; в Крыму разрушены десятки древних мусульманских кладбищ и сотни каменных надгробий — интереснейших памятников крымскотатарской эпиграфики и резьбы.

Эту тему развил в своем выступлении председатель ОКНД Мустафа Джемилев (Бахчисарай), вспомнив о жертвах, об ущербе, нанесенном крымскотатарской культуре насильственной депортацией, многолетним унижением национального достоинства людей.

Основные проблемы, поставленные в докладах и выступлениях на пленарных заседаниях, нашли детальную разработку в сообщениях, заслушанных на следующих секциях: I. Гаспринский и Россия (руководители Ш. Мухамедьяров — Москва, И. Заатов — Симферополь); II. Гаспринский и Восток (руководители А. Измаилов, И. Каримов — Ташкент); III. Гаспринский и Запад (руководители Ю. Горбунов — Симферополь, А. Эрджила сун).

Надо отметить, что некоторая усложненность такого географического членения предопределила неизбежные пересечения в проблематике, имеющей порой одинаковое отношение и к Западу, и к Востоку или вовсе не вписывающейся в построение по сторонам света.

Часть сообщений касалась теории межнациональных отношений и проблем национального самосознания («по Гаспринскому» и в современной трактовке).

Так, в докладе М. Иордана (Москва) «О взглядах И. Гаспринского на межнациональные отношения» была исследована философская основа выдвинутой Гаспринским концепции межнационального консенсуса, выявлена важность деюрократизации национальных отношений в системе полиэтнического государства, показана несостоятельность политики насильственной ассимиляции, не только безнравственной, но по отношению к народам тюркской общности и практически бессмысленной и недостижимой в силу ряда особенностей исламской культуры, необычайно прочных связей в мусульманской общине частей с целым, благодаря чему эта община подобна государству в миниатюре.

В. Пустарнаков (Москва) в докладе «Об исторической значимости тезиса И. Гаспринского: мусульмане не чувствуют себя чужими на Руси» отметил оживление интереса к анализу типов ментальности различных народов в современной философии и под этим углом зрения рассмотрел те очерки инациональных культур, которые в сочинениях И. Гаспринского выдержаны в духе дружелюбия, толерантности, максимального сближения с позитивными этнопсихологическими установками собственного народа.

Широкою историческую панораму воссоздал Ш. Мухамедьяров (Москва) в своем исследовании «Исмаил Бей Гаспринский и ислам в России». Анализ философии ислама, включая весь комплекс его теологических постулатов и этических нормативов, предложен ученым как методологическая основа изучения конкретных явлений мусульманской культуры в России, в частности такого исторического феномена, как научное, публицистическое и литературное наследие И. Гаспринского. Докладчик подчеркнул созвучность мыслей и идей Гаспринского с нашей современной действительностью, с борьбой тюркских народов Советского Союза за суверенитет и культурное возрождение, с угрозой их искусственной разобщенности и конфликтов на национальной почве.

С. Изидинова (Москва), выступление которой называлось «К вопросу о формировании пат-

риотических чувств в просветительской и публицистической деятельности Гаспринского», выявила возможность эффективного использования наследия ученого в современной воспитательной работе, в укреплении патриотических чувств крымскотатарского народа, призванного сегодня вновь стать полнокровным и рачительным хозяином на земле своих предков.

Главный узел дискуссии на всех трех секциях — идея пантюркизма, проблемы культурной, психологической, религиозной общности тюркских народов и их историческая миссия в революционных движениях XX в., в том числе и в перестроечных процессах в СССР. Чрезвычайно важным в этой связи было выступление известного татарского писателя Р. Б а т у л л ы (Казань), подчеркнувшего прочное чувство родства между казанскими и крымскими татарами вопреки всем попыткам вытравить это чувство в период гонений на крымских татар. Он поддержал идею развития общетюркского языка как средства межнационального общения народов Востока наряду с дифференцированным развитием бытовых и литературных языков в каждой национальной культуре, отметив, что такой исторический вариант билингвизма был бы гораздо более естественным и органичным для народов Советского Востока, нежели русско-национальное двуязычие.

С а д ж и к Т у р а л (Анкара) рассмотрел соотношение основных концептуальных положений пантюркизма с идеями панславизма, формирующегося в эпоху обострения политической борьбы за сферы влияния на Балканах и в иных регионах Евразии. Основные признаки тюркской общности, питающие идеи пантюркизма, по его мнению, коренятся не только в языке, религии, фольклоре, культурных традициях, исторической памяти народов, в особенностях этнической психологии и морали, но также в совокупности экономических и политических интересов народов западной и средней Азии, европейского Причерноморья, прикаспийских и приволжских земель — интересов, порой противостоящих интересам славянской общности.

Доклад главного редактора польского журнала «Жиче мусульманске» С е л и м а Х а з б и е в и ч а (Гданьск) «Пантюркизм и связи с Польшей» включал анализ прогрессивных сторон концепции пантюркизма (опора на джадидизм, пересмотр догматики шариата, отказ от реакционных основ исламской юстиции, открытость, по отношению к европейской, западной цивилизации) и диалектики его конфронтации с панславизмом в различных вариациях последнего (А. Мицкевич — Ф. Достоевский — А. Солженицын). Этот доклад, основанный на исследовании варшавских и парижских архивов, был насыщен чрезвычайно интересными конкретными фактами, частично до сих пор неопубликованными и впервые введенными в историческую науку на конференции. Это касалось и участия польско-литовских татар в национально-освободительном движении тюркских народов Кавказа и Крыма, биографий Арслана и Ольгерда Кричвинских и их роли в азербайджанской партии «Мусават», деятельности Искандера Ахматовича на посту министра культуры демократической Республики Крым и Мацея Сулеймана Сулькевича, который возглавлял правительство этой республики. С. Хазбиевич раскрыл роль Польши в 1920—1930-х годах и личное участие Ю. Пилсудского в поддержке тюрко-татарской эмиграции из Советской России. Идея пантюркизма, принесенная интеллектуальной элитой этой эмиграции, органично влиялась в тот гуманитарный фронт идей, который цивилизованное человечество пыталось противопоставить тоталитаризму, в частности большевистскому экстремизму в национальном вопросе.

Переоценка пантюркизма, пересмотр культурологических и политологических аспектов этого понятия, снятие с него идеологического табу, долгое время державшего в плену историческую и этнологическую мысль, были главным содержанием и итогом конференции. При этом выявилось заметное сближение подходов к проблемам тюркской общности у зарубежных и советских ученых, прежде находившихся по разные стороны идеологических баррикад. Однако некоторые принципиальные различия в понимании содержания и целей пантюркизма в современной тюркологии, несомненно остались. Турецкими, американскими, польскими, некоторыми крымскотатарскими исследователями и общественными деятелями, принявшими участие в работе конференции, акцентировалось значение пантюркизма как идейной силы, способной прежде всего противостоять панславизму, империалистической агрессии прежней Российской державы, любым попыткам игнорировать суверенитет республик и автономий, трактуемых как формы «национальной государственности» тюркских народов. В выступлениях значительной части советских историков, политологов, философов, в том числе из Узбекистана, Казахстана, Крыма, подчеркивалось позитивное значение общетюркской солидарности как миротворческой силы, направленности прогрессивного пантюркизма не против врагов из славянского или из христианского миров, а на благородные цели сотрудничества братских народов, консолидации их творческих сил. Главный нерв намечившихся разногласий проходил через комплекс вопросов о государственном статусе Крыма, об историческом значении его присоединения к России и последствиях этого акта для крымскотатарского народа, о современных тенденциях «украинизации» Крыма. При этом наследие Гаспринского, его высказывания нередко служили для аргументации если не противоположных, то весьма далеких друг от друга позиций современных ученых и политиков, что, вероятно, может быть косвенным подтверждением как актуальности этого наследия, так и его внутренней противоречивости.

Наряду с проблемами пантюркизма, «отцом» которого сделала Гаспринского и отечественная, и мировая историографическая традиция еще в первой половине XX в., и с теорией межнациональных отношений, на конференции оказались достаточно ярко высветленными *социальные теории* Исмаила Гаспринского, в частности его критика вульгарно-социалистических доктрин и утопий, получившая своеобразное отражение в романах писателя «Страна благоденствия» и «Сто лет спустя. 2000-й год», в его трактате «Беспристрастный взгляд на европейскую цивилизацию» и статьях «Социалистическое учение», печатавшихся под этим названием в нескольких номерах «Тэрджимана» за 1906 г. Объективная, взвешенная оценка этой стороны теоретического и творческого наследия Гаспринского

особенно актуальна на фоне недавних яростных нападок, изъятия из истории отечественной культуры его сочинений, что было характерно для официальной позиции нашего обществоведения. Эта проблематика получила развитие в докладах Надира Дефта (Стамбул) «Прошлое и будущее с точки зрения И. Гаспринского» и Ю. Османова (Симферополь) «Исмаил Гаспринский и социалистические доктрины».

Ряд докладов и сообщений характеризовал современные существенные сдвиги в источниковедении, а также содержал историографические обзоры посвященной И. Гаспринскому и его эпохе научной литературы. На малоизвестный, долгое время закрытый круг источников обратила внимание О. Васильева (Ленинград) в докладе «Крымскотатарские материалы в отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шедрина». Доклад В. Кулиева (Баку) «Исмаил Гаспринский в исследованиях турецких ученых» значительно обогатил и дополнил библиографию, вошедшую в оксфордское издание «Русского мусульманства» И. Гаспринского (1985 г.). Глубокий анализ концепций, последовательно возникавших в турецкой исторической науке, исследующей судьбы тюркской общности, в том числе историю и культуру крымских татар, дал в своем выступлении проф. Тункер Гюленсой (Кайзер).

Особо были выделены на конференции проблемы педагогики, связанные с теоретическими разработками Гаспринского, с практикой его «новометодных» школ, с задачами современной школьной реформы в СССР, ее особенностями в республиках с преобладающим тюркоязычным населением, с изучением зарубежного (турецкого) опыта.

Э. Аблаев (Андижан) в докладе «Популяризация наследия И. Гаспринского на международных конференциях» остановился на конференциях по проблемам педагогики, проходивших в 1990 г. в ФРГ и Чехословакии, где имя Гаспринского вспоминалось в контексте самых высоких достижений гуманной педагогической системы конца XIX — начала XX в. Сравнительный анализ школьно-эдукационной методики Гаспринского и педагогической системы К. Ф. Ушинского позволил Э. А. Аблаеву сделать вывод об их органической близости.

В контексте современных задач рассмотрел деятельность И. Гаспринского по реформированию мусульманской школы Асанов (Ташкент) в докладе «Исмаил Гаспринский и проблемы возрождения крымскотатарской национальной системы образования и воспитания». Доклад Зухал Юксель (Анкара) «Взгляды Гаспринского на просвещение» был посвящен опыту Турецкой Республики в годы правления М. Кемалья Ататюрка по практической реализации методики Гаспринского в школьной реформе на пути секуляризации и европеизации турецкой школы. Халил Бей Аджикгез (Стамбул) отметил прогрессивность звукового метода обучения, которому Гаспринский придавал большое значение, показал, что итогом его решительной реформаторской деятельности было изгнание схоластики из татарских мектебе, приближение их к типу европейских учебных заведений при сохранении внимания к специфике обучения на тюркских языках и на классических образцах культуры ислама. Аджикгез заявил, что созданный в Стамбуле Центр по изучению тюркского мира мог бы финансировать создание современных крымскотатарских школ в Советском Союзе по методике Гаспринского с поправкой на требования и условия конца XX в.

В докладе Д. Хангишева (Махачкала) «Джадидизм и становление кумыкской новометодной школы» на материале Дагестана было раскрыто интернациональное значение школьной реформы Гаспринского. Параллельно докладчик осветил некоторые малоизвестные страницы из истории культурных связей Дагестана и Крыма.

Ряд лингвистических исследований, обобщенных в докладах, прозвучавших на конференции, касался прежде всего проблем тюркской языковой общности. К. Усейнов (Самарканд) в докладе «Лексический дефицит тюркских языков. Путь прорыва» отметил как знаменательный итог уходящего десятилетия тот факт, что впервые после колонизации многие тюркские языки народов СССР обрели статус государственных. С началом нового этапа языкового строительства активизировалось стремление всех народов Востока иметь развитые и мощные языки, соответствующие потребностям современного общества. При этом в тюркских языках обнаружился дефицит определенного пласта лексики. Выход из этой ситуации докладчик видит в отказе от чужеродных заимствований, в опоре на общетюркский лексический фонд. Он выдвинул в качестве первоочередной задачи создание мощного тезауруса всех тюркских языков — большого тюркско-русского словаря, включающего древние, средневековые языки, а также все современные национальные тюркские языки и диалекты.

Исторические аргументы в пользу идеи тюркской языковой интеграции выдвинул Ильбер Ортайл (Стамбул), напомнив, что свой «Тэрджиман» Гаспринский выпускал на языке, понятном всем народам от Бахчисарая до Бухары и от Казани до Баку. Профессор Мехмет Сарай (Стамбул), автор крупной монографии «Гаспралы Исмаил Бей», изданной в Анкаре в 1987 г., в своем докладе «Исмаил Гаспринский и проблемы языкознания» также высказался в пользу идеи интеграции тюркских языков.

Юбилей И. Гаспринского стимулировал исследования ученых в самых разнообразных региональных направлениях, что позволило выявить прямые и косвенные связи крымскотатарского просветителя с различными национальными культурами и процессами, происходящие в этих культурах как в эпоху Гаспринского, в конце XIX — начале XX в., так и позднее. Направления эти были весьма многообразны и предполагали сопоставление личности, наследия, идейных позиций Гаспринского с общекультурной ситуацией и с конкретными историческими фигурами в Средней Азии, в Закавказье и на Северном Кавказе, в самом Крыму, где прошла основная часть жизни просветителя, в Турции, в некоторых регионах арабского мира (в Курдистане, Сирии), в Волжско-Уральском регионе (Татарии, Башкирии), в Добрудже и области расселения тюркских народов в Румынии, Болгарии, Молдове, наконец, в очагах обитания литовских татар (в Литве, Польше, Белоруссии), Методологически в

докладах этого круга чаще всего использовались исторические параллели, позволяющие сравнить синхронные или последовательные явления в национально-освободительном движении, в философской мысли, литературе и других сферах.

Севги Кафали (Анкара) в докладе «Идеи И. Гаспринского и западнотурецкий мир» проанализировала исторические причины крымскотатарской эмиграции в Турцию и на Балканы. Эту тему дополнил зачитанный доклад румынского историка Э. Махмута «Влияние И. Гаспринского на крымских татар с Добруджи».

К положению курдов, проживающих в Сирии, Ираке, Иране и Турции, привлек внимание М. Зейну (Халиб, Сирия) в докладе «Гаспринский и проблемы народов Востока». Он отметил неготовность справедливо решить проблемы национальных меньшинств и связанные с этим противоречия во внутренней и внешней политике, характерные практически для всех нынешних азиатских полиэтнических государств, причем отнюдь не только для реакционных режимов.

Вопросы об ориентации И. Гаспринского на достижения европейской культуры рассматривал Д. Балич (Ташкент) в докладе «Гаспринский и Запад», выявив материалы, проливающие свет на парижский период жизни Исмаил Бея, его отношения с И. С. Тургеневым, маршруты его поездок по Испании, Франции, Германии, восточноевропейским странам. В докладе показано значение его романов «Французские письма» и «Страна благоденствия». Докладчик обратил внимание на то, что кандидатура Гаспринского по предложению группы французских журналистов и педагогов Индии была выдвинута на Нобелевскую премию в 1910 г.

Значительное внимание было уделено истории и современным проблемам культурного возрождения литовских татар — единственного нетюркоязычного народа, не выпадающего из тюркской общности, несмотря на утрату языка предков, оказавшихся в средние века на территории Великого княжества Литовского. С. Червоная в докладе «Литовские татары в сочинениях И. Гаспринского и в современной этнополитической жизни Литвы» остановилась на национальной программе Сюадиса по отношению к этническим меньшинствам. Ценную историческую информацию содержал доклад И. Канапацкого (Минск) «Из истории татарских поселений в Литве и Белоруссии». В нем речь шла не только о далеком прошлом, но и о современном национальном движении в республике — создании в Минске татарского общественного объединения «Аль-Китаб» и гродненского объединения «Китаб». Один из лидеров и старейшин этого движения И. Меметов (Минск) выступил на конференции с воспоминаниями о своих непосредственных наставниках — бахчисарайских учителях, воспитанных Исмаилом Гаспринским. Из доклада А. Якубаускаса (Вильнюс) «Гаспринский в Литве. Штрихи к портрету» впервые стало известно о том периоде жизни молодого Исмаил Бея, который связывал его с Вильно и Ковно, о сохранившихся в личных архивах литовско-татарских семей реликвиях конца XIX в., а также раскрыта интересная страница юношеской дружбы Исмаила Гаспринского с литовским татаринцом Мустафой Давидовичем — будущим мэром Алушты, много сделавшим для развития культуры Крыма.

Особое место в программе конференции занял доклад С. Куроглу (Комрат) «Из истории крымскотатарско-гагаузских этнокультурных взаимосвязей». Докладчик наметил шесть зон этнокультурных контактов этих народов в историко-хронологическом плане. Истоки связей он проследил в ранней средневековой истории северотюркских кочевников — печенегов, тюрок-огузов, половцев, сыгравших определенную роль в этногенезе как гагаузов, так и северной группы крымских татар. Одним из основных аркалов межэтнического взаимодействия был Бужак. Зонами соприкосновения сформировавшихся позднее народностей крымских татар и гагаузов были равнинные области Добруджи, районы Приазовья, Крыма. В середине XX в. к контактным зонам крымских татар и гагаузов добавились обширные районы Казахстана и Узбекистана, куда были выселены депортированные народы. Результатом межэтнических связей, развивавшихся веками, явилось формирование общих черт духовной и материальной культуры, очевидных несмотря на различия конфессиональной ориентации крымских татар (мусульман) и гагаузов (православных христиан). Дастаны гагаузов («Кёроглу», «Ашиг Гариб», «Арау и Кямбер» и др.) перекликаются с эпосом крымских татар, народные устные поэтические миниатюры «мазны» также имеют сходство в гагаузской и крымскотатарской литературной традиции.

Этнокультурные контакты ногайцев и крымских татар исследовал в своем докладе Р. Керейтов (Черкесск), обратив внимание на стремление ногайского народа к формированию своей национально-территориальной автономии на Северном Кавказе.

Татарская культура в Поволжье, служившая постоянным объектом исследовательских интересов Гаспринского, получила новое освещение в докладах, обобщающих современные исследования в области археологии, этнографии, филологии. А. Сибгатуллина (Елабуга) в докладе «Исмаил Гаспринский и образ просветителя в татарской литературе» проследила отражение борьбы между кадимистами и джадидистами в татарской (казанской) просветительской литературе 1880-х годов.

С. Хусаинов (Уфа) в докладе «Исторические традиции дружбы и сотрудничества народов Урало-Поволжья и Крыма» отметил, что периоды подъема национально-освободительного движения башкир и других народов Урало-Поволжья в XVII—XVIII вв. совпадают с обострениями в русско-крымских отношениях. Он привел свидетельства о том, что башкирские повстанцы 1660-х годов пытались установить связи с крымским ханом и заручиться его поддержкой. Исследование историко-культурных связей Урало-Поволжья и Крыма получило конкретное развитие в докладе Р. Утябаева (Уфа) «Исмаил Гаспринский и Риза Фахметдинов — выдающиеся просветители народов мусульманского Востока».

Ш. Турдыев (Ташкент) в докладе «Исмаил Гаспринский и Туркестан» выявил следы пребывания Гаспринского в Самарканде, Ташкенте, Бухаре, показал его интерес к истории среднеазиат-

ской культуры, его влияние на мировоззрение и творчество узбекского просветителя Хамзы Хакимазиза Ниязи. Подробно проследил он историю создания в Бухаре школы «Музаффария» по новой методике Гаспринского. В докладе Б. К а с и м о в а (Ташкент) «Исмаил Гаспринский и узбекское джадидистское движение» была раскрыта эволюция просветительской, теологической и политической программы джадидизма с конца 1890-х до конца 1920-х годов, его локальные особенности, связанные с борьбой за самостоятельность Туркестана; прослежена трагическая судьба его лидеров Махмута Бехбуди, Абдурауфа Фитрята, Мунаввара Кари. С. Султангалиева (Алма-Ата) исследовала влияние Гаспринского на общественную жизнь Казахстана. А. А б и л е в (Караганда) в докладе «Исмаил Гаспринский и культурное взаимовлияние тюркских народов» проследил, как отразилась просветительская идеология Гаспринского в общественно-политических взглядах Машхура Жусупа Копейулы, Шакарима Худайберы-улы и других представителей казахской интеллигенции рубежа XIX—XX вв.

Разносторонние исторические и этнографические исследования культуры Крыма, как современного Гаспринскому, так и последующих десятилетий, нашли отражение в докладах «Исмаил Гаспринский и Таврическая ученая архивная комиссия» В. Г а р а г у л я (Симферополь), «Музей-читальня Исмаила Гаспринского в Симферополе и его судьба» И. З а а т о в а.

Неизвестные факты из истории Крыма привел В. Г а н к е в и ч (Симферополь) в докладе «Исмаил Гаспринский в Бахчисарайской городской думе» (с 1883 г. эта Дума избиралась как малый «совет национальностей», в ее составе, в частности, было 34 татарина, 27 греков, 3 армянина, 2 караима, 2 русских).

Сопоставлению личностей и политических платформ Исмаила Гаспринского и Рашида Медиева посвятили свои исследования Ю. Г о р б у н о в и С. Д р у ж и н и н (Симферополь). Горбунов вскрыл при этом глубокую несостоятельность той вульгарной критики крымскотатарского «национализма», которая отразилась в 1920-е годы в выступлениях А. К. Бочагова и его монографии 1930 г. «Милли-Фирка: национальная контрреволюция в Крыму». Горбунов характеризовал время Медиева как «начало предреволюционного периода в истории крымскотатарского национально-освободительного движения в отличие от просветительского, петиционного периода Гаспринского».

С. И в а н о в (Ленинград) в докладе «Проблемы русско-турецкой торговли во второй половине XIX — начале XX в.» обратил к экономическим основам взаимовыгодного сближения России с Турцией и к роли Крыма в этом процессе, predetermined географическим положением полуострова, историческими традициями, социальными интересами и культурной ориентацией его исконного населения.

В. К о з л о в (Москва) в докладе «Судьба наследия И. Гаспринского в контексте общественно-политической жизни Крыма 1920—1930-х годов» опубликовал неизвестные до сих пор материалы о творчестве художника, историка и археолога У. Баданинского (1877—1937 гг.), продолжившего просветительскую деятельность в крымскотатарской среде.

В докладе Л. Л е в и н а (Москва) «Пути развития крымскотатарской музыкальной фольклористики» подведены итоги исследовательской и собирательской работы ученого, обоснована предложенная им жанровая классификация крымскотатарской народной музыки, включающей особый жанр переселенческой (эмигрантской) песни, не имеющей аналогов в музыкальном фольклоре других народов. Докладчик поднял крупную методологическую проблему рассмотрения фольклора как мощного средства формирования, сохранения и трансляции этнического самосознания.

М. Р а м а з а н о в а (Ангрен), исследовавшая топонимику Крымской АССР, высказалась за возвращение старых татарских наименований населенным пунктам и природно-географическим зонам республики.

Практическими выводами конференции были зафиксированные в ее документах программы создания в Симферополе Центра возрождения крымскотатарской культуры (включающего современный мусульманский колледж и университет-медресе), Международной ассоциации им. И. Гаспринского, объединяющей исследователей всех стран, изучающих крымскотатарскую культуру, историю, язык, фольклор, профессиональное искусство. Был поставлен вопрос о необходимости специального научного журнала по типу журнала «Крым», издание которого было прервано в 1930-е годы. Принято предложение сделать научные чтения имени Гаспринского в Симферопольском университете ежегодными.

Особое внимание обращено на необходимость увековечить память Исмаила Гаспринского в Крыму: предлагалось назвать его именем одну из улиц Бахчисарая, к 150-летию со дня рождения издать собрание его сочинений и научную полную биографию.

Параллельную программу выдвинули инициативные группы ученых и общественных деятелей Турции. Они наметили организовать цикл телевизионных передач памяти Гаспринского в Анкаре, издать его труды на турецком языке, назвать его именем улицу в одном из городов Турции, где проживает много крымских татар (ориентировочно в Эски-Шехэр), провести конференции и научные симпозиумы к 110-летию выхода газеты «Тарджиман» (апрель 1993 г.) и к 150-летию со дня рождения И. Гаспринского в 2001 г. В целом это должна быть комплексная программа, способствующая активизации всех общественных наук и народной дипломатии, направленной на укрепление связей через Крым между СССР и Турцией.

Конференция открыла новый этап в изучении крымскотатарской культуры, привлекла к ней внимание советской и мировой научной общественности.

С. М. Червоная